

© 1999 г.

И.Б. ОРЛОВ, А.Я. ЛИВШИН

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
"ПИСЕМ ВО ВЛАСТЬ" (1917-1927-е годы)**

ОРЛОВ Игорь Борисович - кандидат исторических наук, докторант Государственной академии сферы быта и услуг. ЛИВШИН Александр Яковлевич - кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В.Ломоносова.

В работе "О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив" Ю. Хабермас подлинным субстратом истории назвал социокультурные системы, управляющие при помощи речевой коммуникации¹. С этой точки зрения такое дискурсивно-коммуникативное средство как письмо "во власть" в его источниковой множественности в определенной мере формирует представления о социокультурном облике послереволюционной России. Такого рода документы фокусируют и соединяют воедино структуры и компоненты менталитета, социальные отношения и политическую практику. Соединение менталитета и общественной жизни через дискурс подтверждается опытом России, спецификой форм сознания и политической культуры: "...в России слово всегда значило много больше, чем на Западе, что естественно для активного культурогенеза, который в патерналистских системах минует практическую политику"

Анализ апелляций в органы власти, к большевистским вождям в 1917-1927 гг. показывает, что свобода являлась приоритетным и "знаковым" понятием общественного сознания. Слово "свобода" звучит часто и воспринимается как атрибут любых суждений о революции и контрреволюции, мире и земле. "Нет ничего отраднее человеку, как пользоваться свободой. За свободу гибли лучшие силы в кровавом бою за освобождение человечества от казней, гнета, насилия, пыток, темного прошлого над свободой человека. [...] Социалистическое общество будущего, к которому мы стремимся всей душой, должно в конечном итоге изжить применения и меры старого темного прошлого царей-палачей - держать людей в тюрьмах-мешках... Тем более у нас, в свободной стране, не должно быть насилия над святой свободой человека"⁶. Это гимн свободе из письма рабочего Василия Иванова М.И. Калинин (январь 1924 г.). Письмо предлагает присущее революционной эпохе видение свободы, свойственное многим людям той поры. К характерным чертам этого прочтения проблемы свободы следует отнести: 1) безоговорочное признание дореволюционного общества несвободным; 2) желание видеть в большевистской революции прорыв к свободе из гнетущей несвободы старой России; 3) стремление оценить советский строй как более свободное (справедливое) общество, а Советскую Россию - как свободную страну. Обратная сторона этих представлений - недоумение, связанное с расхождением практики большевистского режима с идеалистическими представлениями о связи социального переворота со свободой (волей), особенно конкретного человека.

Из "писем во власть" очевидно, что Россия пришла к революции с массовым ощущением грядущего очищения от несвободы старого мира. "В России совершился переворот, и объявилась революция, в ознаменовании события дома наши украсились флагами, в знак обновления, с торжественным крестным ходом, духовенство служило молебны за свободу народов России..." - писал в 1918 г. 89-летний крестьянин Новгородской губернии Дмитрий Чусов. "Проклятое старое время", "полицейские держиморды старого режима", "царские

Статья написана при содействии Фонда поддержки открытого общества, фант 1624/157/1998.

паразиты", - подобные обороты рассыпаны по письмам во власть, особенно сразу после революции. Революция виделась как избавление от гнета, предпосылка свободной, счастливой и вольной жизни. Возможно, это одна из наиболее грандиозных и трагических иллюзий национального сознания. В 1917 г. русский человек остро ощущал несвободу старого общества и психологически был готов с ней покончить любой ценой. Антитеза свобода-несвобода передвинула философскую и политическую проблему с периферии в самый центр массового сознания.

Почему старое общество воспринималось как несвободное? Это связывалось, в первую очередь, с отчетливой социальной несправедливостью его. В русском менталитете понятия "свобода" и "социальная справедливость" неразрывны как две стороны единого целого. В 1917 г. практически нет ощущения самоценности свободы без социальной компоненты; справедливость воспринимается подчеркнуто эгалитарно. Отсюда характерное предствление революционной эпохи: свобода - не есть наиболее полное воплощение и раскрытие индивидуальности, а скорее - уравнивание всех в социальном статусе и материально-имущественном отношении. В массовом менталитете "свободный строй" - перевернутая социальная пирамида, меняющая местами господ и подчиненных: "...повеличались одни. Теперь будет. Пусть повеличатся другие"⁷.

Во-вторых, в массовом сознании разлито ощущение неправильности, негармоничности дореволюционного общества и исчерпанности его развития. Большевики представили себя друзьями, а тех, кто был против них - врагами свободы и справедливости. В представлениях масс большевики удовлетворяли фундаментальные требования к свободе: эгалитарную справедливость и слом старого (несвободного) общества. Дореволюционное общество, по сути далеко не либерально-конституционное, хотя по форме и часто воспринимавшееся таковым, не могло обеспечить выход из войны, дать землю, работу, сбросить гнет чиновничества и т.д. Все это обещали большевики. Свобода ассоциировалась с радикальной альтернативой либеральной конституционности. На этом фоне слова отдельных представителей русской интеллигенции, пусть пророческие, обращены в "социальную пустоту". "Конечно, большевики настоящая "рабоче-крестьянская власть". Она "осуществляет заветнейшие чаяния народа". А уж известно, каковы "чаяния" у этого "народа", призываемого теперь управлять миром, ходом всей культуры, права, чести, совести, религии, искусства"⁸ - записал в дневнике И.А. Бунин 17 апреля 1919 г., передавая состояние образованного слоя общества в условиях "свободы", используемой большевиками как "издевательская вывеска", которая долго будет висеть — "пока совсем крепко не усядутся они на шею народа"⁸, и принимаемой народом как анархия.

Парадоксально часто в речевом потоке писем рядовых граждан употреблялось словосочетание "свободная страна" применительно к Советской России первых послереволюционных лет. Это, как правило, не было следствием пропаганды. Скорее, можно говорить об укорененности в архаическом сознании социума представлений о связи крушения старой России с царством свободы. В рассуждениях о новом (свободном) строе причудливо переплетаются пласты традиционного, государственно-патерналистского, патримонильного и квазирелигиозного сознания, - с захватывавшей все больший плацдарм в менталитете коммунистической мифологией и попутным "новоязом". Продукт такого переплетения - письмо в "Крестьянскую газету" крестьянина Смоленской губернии Е. Любасева (1925 г.): "всем трудящимся и угнетенным рабочим и крестьянам всего мира нужно не забывать десять заповедей советских: 1) Я есть власть твоя, которая спасает тебя от гнета, кроме этой власти больше себе не ищи; 2) не делай никаких подрывов, ни подкупленных организаций и не ищи спасения, кроме спасения Советской власти; 3) не клевети, клеветник, напрасно на Советскую власть, клевета твоя придет на твою голову от стального трудового кулака; 4) помни Советскую власть, просветившую нас, делай по ее программе и не забывай память идейных передовиков, и день их кончины торжественно празднуй; 5) чти Советскую власть лучше отца и матери, чтобы жилось хорошо детям, внукам и правнукам; 6) не убивай своим коварным языком идею угнетенных и рабов всего мира; 7) не ищи себе удовольствия на улицах у бедных женщин, знай, что каждая женщина такая равноправная гражданка, как и ты; 8) не урывай от Советской власти ни земли, ни скота, ни ее достояния; 9) не слушай клеветников на Советскую власть и не защищай достойных наказания; 10) не завидуй богатым постройкам, скоту, многоземелью. Знай, что все это нажито пролетарским трудом, и Советская власть все это передаст опять тому же трудовику"⁹.

На первый взгляд, не более, чем комичная и в чем-то зловещая пародия на Священное писание, приведенный отрывок свидетельствует о глубинных процессах трансформации сознания в советскую эпоху. Выполняя "советские заповеди", обретешь земной рай, свободное и

справедливое, принципиально новое общество. При этом некоторые традиционные для русского менталитета представления: "милость к падшим", сочувствие к нарушившим закон и осужденным, - отбрасываются: "не защищай достойных наказания"! И это не все. Письмо Любасева демонстрирует связь в послереволюционном менталитете свободы и насилия. Радикализм уравнительного сознания, ненависть к "угнетателям-богачам" и стремление "все поделить" силой оправдывали насилие для построения свободного, лишенного угнетения, общества. Письмо неизвестного автора в Совнарком (8 декабря 1917 г.) проповедует тот же "классовый" путь: "...свобода должна быть только для угнетаемых. Для угнетателей нужна палка"⁹. Допустимость насилия - в данном случае к имущему меньшинству - не только не казалась противоречащей справедливости, но и вполне укладывалась в представления о методах достижения большинством оправданных (культурно легитимных) целей. Подобные представления согласовываются с концепцией диктатуры пролетариата. Причем речь шла не только о насилии по отношению к бывшим хозяевам; и путь в светлое будущее лежал через насилие к основной части населения, что откровенно пропагандировалось советской печатью на протяжении послереволюционного десятилетия и отражалось на менталитете населения, прошедшего "школу насилия" мировой и гражданской войн.

Идея "принуждения к свободе", распространяется на жителей "страны Советов", пронизывает "революционное творчество" масс. "Председатель уездного Совнаркома" (так и не и меньше) Ермошенко просит у Ленина санкцию на создание уездной социалистической трудовой коммуны. Автор своеобразно интерпретирует "Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа", принятую Всероссийским съездом Советов 18(31) января 1918 г.: "...Николаевский уезд объявляется уездной социалистической трудовой коммуной. Введением коммуны подтверждается отмена частной собственности на землю, леса, недра и прочее. Отменяется собственность на дачи, торговые заведения стоимостью сверх пяти тысяч рублей, не обслуживаемые личным трудом. Частная торговля отменяется, кроме предприятий доходностью 3.500 рублей, обслуживаемых личным трудом. Вводится трудовая повинность всех граждан с обязательной регистрацией профессиональными союзами. Лица, уклонившиеся от работ, рассматриваются как воры"⁹.

На народное сознание существенно влияло насилие большевиков, выходящее за рамки присущего государству насилия. Специфику сложившейся системы принуждения метко характеризовал в дневнике М. Пришвин: "Чрезвычайка, особый отдел, не совсем то, что опричнина: Грозный сильнее опричнины, а Совнарком при Чрезвычайке (назовем так всю Лубянку), как Государственная Дума при царе"¹⁰. Новая власть способствовала "раскрепощению" личности (от церкви, старой морали, старой администрации, от общинных традиций и прочего). Отсюда ощущение вседозволенности, вседоступности. Большевики поднимали у широких слоев ощущение хозяина новой жизни ("кто был ничем, тот стал всем"). Появилась возможность самому стать частью власти или через нее возвыситься над людьми, причем последнее - не только для общественного веса, но и для личного обогащения, сведения счетов, мести. Кроме того, срабатывал страх перед возможным возвратом старых порядков, помещиков, которые отнимут землю, а затем и страх перед возвращением "белых", Деникина и Колчака, где тоже несладко, где жутко.

С первых дней революции "свобода", своеобразно понятая определенными ее "носителями", вылилась в ненависть к представителям прежней власти, в свободу грабить и убивать. Первым фактом самосуда, получившим широкий отклик, стало убийство в начале января 1918 г. в Мариинской больнице Петрограда группой матросов бывших министров Временного правительства Шингарева и Кокошкина. Сам самосуд вызвал неприятие властей. Газета Советов "Известия" объявила убийство страшным ударом по революции и по Советской власти: "На великом деле народной революции не может быть пятен". Самосуды - опасность для народной свободы: "Развращенная самосудом толпа не есть революционный народ, способный строить новую прекрасную жизнь, а слепой сброд, годный на все и могущий послужить орудием в руках любого тирана для подавления народной свободы". Но на практике "революционная целесообразность" брала верх. А произвол властей всех уровней порождал такие же настроения. Крестьяне села Козина (Моск. губ.), привлеченные к суду за самочинную поломку сарая и деревьев односельчанина, мотивируют свои действия так: "Надеясь на сочувствие власти нам, беднякам, думая, что наконец пришло наше право, мы приступили самовольно очищать у гражд[анина] Макарова проулок под дорогу. Мы, возмущенные до глубины души всевозможными вымогательствами Макарова, мы явились исполнителями воли граждан, надеясь оправдаться пред Советской властью справедливостью наших требований. Когда буржуазия всячески старалась подорвать Советскую власть,

унизить ее, Советская власть открыла красный террор"¹². Если это делала власть, почему нельзя им?

Мифологизация массовым сознанием свободы как производной от революции сыграла с русским обществом жестокую шутку. Речь об упоминавшемся разочаровании в социальном перевороте, постигшем миллионы людей уже в период гражданской войны. Конечно, еще в 1917 г. и сразу после революции многие не приняли новых порядков. Причем не только привилегированные группы, но и рядовые граждане, не верившие обещаниям большевиков.

"Где обещанный мир?

Неужели там, где с врагом братаются, его пушек боятся, а своего безоружного брата - гражданина обворовывают, подстреливают и топят? Где обещанный хлеб? Там, где его много и нас нет! Где обещанная земля? Наверно, в равных долях у каждого гражданина - на кладбище. Вот 3 вопроса, на которые ни один солдат, ни один рабочий ответа от хамоуправства не получит", - писал в ноябре 1917 г. один петроградский обыватель В.И. Ленину¹².

Однако массовым разочарование в революции становится к концу гражданской войны в результате опыта взаимодействия с властью в годы военного коммунизма. А угар первых месяцев революции порождает другие настроения, о чем с горечью напишет в дневнике В.Г. Короленко: "Нет никакого порядка. Теперь слово "свобода" то и дело звучит именно в этом смысле" (запись от 28 декабря 1917 г.)¹³. Характерная картина произвола нарисована в письме в Петросовет из Уфимской губернии (ноябрь 1917 г.): "В Городе Уфе находится (3) три полка, под каким же они номером, я не знаю. Вот что они проделывают. Когда их назначают, тот или другой полк, в отправку на фронт, солдаты же не принимают ни малейшего внимания и не хотят слушаться". Автор боится: "сгубят они нашу свободу, передадут ее опять в руки Николая II-го"¹⁴. Патриарх Тихон обвиняет большевиков в том, что они "разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство". А в условиях классовой вражды понятие "свобода" трансформировалось: "Великое благо - свобода, если она правильно понимается, как свобода от зла, не стесняющая других, не переходящая в произвол и своеволие. Но такой то свободы вы и не дали: во всяческом потворстве низменным страстям толпы, в безнаказанности убийств и грабежей заключается дарованная вами свобода"¹⁵.

По ходу гражданской войны крепло ощущение новой несвободы. Военный коммунизм, чрезвычайщина, конфискации, мобилизации и т.п. вызывают острейший кризис психологии социума. Часть вспоминает об обывательском статусе, о необходимости сохранить себя и семью, о желании просто жить и просто работать. Между тем, маховик гражданского конфликта сметает все, уничтожает человеческие судьбы ради абстрактного и будущего "счастья для всех". Горечь прозрения заставляет переосмыслить соотношение революции и свободы: "Один насильник сменит другого - вот и все. Так, как обманула нас русская революция, посулив всяческие свободы, а на деле превратив в несмеющих пикнуть рабов разного рода демагогов, не желающих считаться ни с какими историческими законами и опытом и заглушающими голос подлинной звонком своих громких, набивших оскомину фраз, так не обманет никто из вновь грядущих насильников, потому что их пути и цели нам известны", - писал в 1920 г. Ленину москвич К. Антонов¹⁶.

Шок "несбывшихся надежд" рождает инверсивное восприятие свободы-несвободы применительно к дореволюционному и советскому обществам. Теперь уже проклинаясь старая Россия видится свободной страной на фоне коммунистических порядков. "Городовые вежливей обходились с пьяными на улице, чем эти держиморды с беззащитными, не смеющими пикнуть русскими свободными гражданами. Такое дикое варварство, такая свобода возможна только в России", - пишет В.И. Ленину в 1920 г. аноним, характеризуя действия "чрезвычайки" при облаве на дезертиров, и продолжает: "Так поступают с рабами, а не со свободными гражданами, какими Вы нас так неудачно сделали. Я сам говорю: будь трижды проклята такая свобода. К великому стыду моему, я мечтаю теперь о той свободе, которой было так мало при Николае и которой так много теперь"¹⁶.

Распространенные настроения высказал цитировавшийся Дм.Чусов, поначалу с восторгом принявший революцию. Терять старику, по-видимому, было нечего и он решился высказать власти перечень обвинений и требований: "...получилась неволя, сословная борьба и насилие. Лучших граждан выселяют, отбирают имущество, разоряют до последней крайности. Для спасения необходимо восстановить согласие, подворить бежавших на свои места, отнятое вернуть, забыть сословное, обновить порядок в свободной жизни, всесословное обязательное учение грамоте, тем более ремесленное, разрешить правильно

земельный вопрос, изгнать коммуна и признать собственность личную по имуществу, стараться упразднить монополию"¹⁷.

Понятие свободы обретает практически утилитарное значение: ценна возможность выйти из войны и пахать свою землю. "Вы нас освободили от царских и дворянских цепей, вы нам дали землю и волю, еще одно - дайте же нам, ставропольцам, свободную жизнь, дайте нам волю, хотя раз, засеять поля, в которых мы являемся гениями и житницей Республики", - просят крестьяне Ставропольского округа М.И. Калинина¹⁷. Землемер У. Фомин разъясняет "всероссийскому старосте": "Крестьянину нужна только земля при условии предоставления ему спокойной деятельности, сохранения посевных семян, инвентаря и хотя [бы] самая малая доля прибыли от труда, затраченного на хозяйство [...] Не нужно для хлеборобов издавать приказов о том, что они должны сеять, когда и сколько"¹⁸.

Таким образом, несколько революционных лет привели к ценностной дезориентации по отношению к свободе и путям ее достижения, особенно в менталитете крестьян. Общинная революция 1917-1918 гг., связанная с погромами, стихийными, а затем организованными экспроприациями и переделами, сопряженное с прямыми насильственными действиями чувство колоссальной социальной ненависти выливалось в ожидание прихода вольной и счастливой жизни. Свобода ощущалась как сбрасывание условностей, законов, формально-юридических имущественных прав, т.е. как "воля", пьянящая вседозволенность. Затем на смену социальному оптимизму, сопряженному с разгулом кровавой стихии и разнузданностью страстей, приходит горечь несбывшихся надежд, новой несвободы, ярма государственного принуждения.

У крестьян в солдатских шинелях крах надежд на "волю" в годы "военного коммунизма" вызывал ощущение "напрасно пролитой крови". Эти настроения сформулировал демобилизованный солдат из крестьян Саратовской губернии Петр Шаповалов: "...где же искать правду и от кого ожидать помощи, и за что же я служил десять лет и чего добивался и для кого, если не имею ни семьи, ни дому, ни куска хлеба, никакого хозяйства и никакой надежды на будущее [...] Для кого же мы добились свободы, вот подходит весна, люди собираются сеять, а нам нечего и нечем. Мы должны быть опять без куска хлеба и на будущий год"^{11*}. Обманутые надежды, чувство "разбитого корыта" заставляли братья за перо и апеллировать в органы власти, особенно в центральные. Проявлялось желание реагировать на жестокость окружающей действительности традиционным способом. Надо было привести в действие при помощи специфического "жалобного", "ритуального" дискурса, неких "особых слов", "естественный механизм" высшей власти¹⁹. "Магия слияния с властью" через общение посредством письма, обращения и т.д. была призвана устранить недоразумение нереализовавшихся надежд на свободное и счастливое общество. Архаичское сознание миллионов мыслило, или, скорее, ощущало новый прорыв к свободе возможным через восстановление связи народа и государства, заключение нового "властного контракта" посредством непосредственного общения с Властным Лицом.

Коллизии послереволюционных лет выявили противоречивое сочетание в российском менталитете традиционного и либерального понимания свободы. В 1917-1918 гг. происходит дискредитация в массовом сознании либерального понимания, прежде всего, свободы личности: господствует традиционное сознание, для которого индивидуальная свобода, права человека и демократия не имеют особой ценности, дискредитируются и обесцениваются либеральные и конституционные пути к свободе, борьбе за свободу. Преобладают оправдание насилия во имя "высших целей", нетерпимость и нетерпеливость, готовность уничтожить всех, кто стоит на пути.

Драма революции и гражданской войны очерчивает новый аспект восприятия свободы. В трагические первые послереволюционные годы новая власть осуществляла массовые нарушения личных, гражданских прав, свобод. Массы людей (не профессиональные революционеры и уголовники, как до революции) познакомились с тюрьмой, лагерем, государственным беззаконием и насилием. Реакцией на эти потрясения у рядовых граждан стало некоторое ощущение ценности личной свободы (а не свободы класса, крестьянского мира и т.п.), ценности гражданских прав, порочности унижения личности лишением ее свободы. "Хотя и революция, но все-таки нужно к жизни человеческой относиться осторожно, вдумчиво разбираться в деталях виновности, взвесить все и тогда только, после тщательной фильтрации, приводить приговор в исполнение", - пишет в 1921 г. М.И. Калинину из Великих Лук Иван Миклашевич²⁰. Крестьянин Воронежской губ. П. Марченко в жалобе в "Верховный трибунал" сетует, что "...Трибунал, стремясь к скорейшему окончанию дел, совершенно игнорировал то судебное правило, что обвиняемый имеет право защищаться на суде и не предоставил мне возможности такой защиты"²¹.

Массовость насилия во время гражданской войны вызывает пусть ограниченную, но выраженную обратную реакцию. Возникает желание выделить свою личность из безликой массы хотя бы с помощью "письма во власть". Генетически заложенное стремление человека к сохранению своего "я", а, следовательно, к свободе, начинает проявляться по-новому, частично очищается от материального эгалитаризма. Палка, которой вводили свободу, ударяет по антилиберальным представлениям о свободе-справедливости. В общественном сознании начинает крепнуть не классовый, а универсалистский взгляд на права человека. Поражающее исследование обилие жалоб в органы власти на нарушение политических, имущественных, религиозных и иных прав в годы гражданской войны подтверждает сказанное. Произвол властей оживлял почти задавленное архаическим сознанием понимание связи законности и свободы, неразрывности правопорядка и прав человека. "Пусть арестованные не только подозреваются, но даже и виновны, а все же они люди и имеют некоторые гражданские права", - писал бывший командир взвода Красной армии В. Верницкий в 1923 г.²²

Проблему связи свободы и твердой законности поднимают в письмах "во власть" прежде всего представители "образованного общества". Не столь громко, но убедительно в "хоре голосов из народа" звучат их призывы к большевистским вождям сдерживать разгул темных страстей твердым порядком, основанным на законе. В письме социалиста С.Г. Розенблюма В.И. Ленину в разгар гражданской войны (15 марта 1919 г.) проблема социалистического права ставится в один ряд с преодолением анархии и произвола: "...вне права не может быть порядка, и следовательно, для создания социалистического порядка необходимо насаждение социалистического права"²³. В приложенной к письму записке Розенблюм развивает эту тему: "...разрушив старые законы, на которые опиралось социальное неравенство, необходимо создавать новые нормы взаимоотношений, которые содействовали бы быстрейшему установлению социального равенства, иначе воцарится анархия, а вслед за ней - неизбежная реакция"²³. С развитием в русском человеке чувства гражданина связывает правопорядок участник революционного движения 70-х гг. XIX века А.Н. Теплое в письме В.Д. Бонч-Бруевичу (октябрь 1919 г.): "...поставьте же юстицию получше, чтобы русский гражданин имел право гражданина в полном смысле этого слова. Ведь это очень выгодно Советской же власти, а без этого положительно нет возможности спокойно работать и защищать справедливость, когда кругом, с одной стороны, воровство, спекуляция, саботаж невероятный, а с другой - аресты"²⁴.

Переход к НЭПу поначалу притупил в массах чувство коммунистической несвободы. Ограниченный "либерализм" НЭПа порождает ожидание нормализации после гражданской войны. По крайней мере, думалось многим, есть предпосылки большей предсказуемости и стабильности жизни, возврата к справедливости и свободе. В органы власти поступает масса писем, заявлений, жалоб на несправедливость притеснений предшествующего периода. Вместе с тем, в годы НЭПа "ожидания нормальной жизни" не суждено было господствовать в массовом сознании. Менталитет рядовых граждан в эти годы носил чрезвычайно фрагментарный и противоречивый характер, причудливо и парадоксально сочетая пронэповские и антинэповские идеи, либеральные и патриархально-традиционные взгляды на свободу и справедливость. Доминирующего общественного настроения того времени, вероятно, и не было. Мозаичность менталитета была присуща представителям всех общественных групп города и села. Вместе с тем, объединяющим в менталитете являлось проявившееся в условиях НЭПа и нараставшее на протяжении двадцатых годов чувство нереализовавшихся надежд на свободное общество. Одной из причин являлись глубинные противоречия нэповской системы. Рассмотрим некоторые из противоположных, но, вместе с тем, близких по степени разочарования позиций.

Часть населения связывала свободу вообще со свободой экономической деятельности. В ряде случаев эта связь была основана на явной рыночной, предпринимательской психологии. "Частный торгово-промышленник полезен в государственном хозяйстве, как полезна овца в хорошем хозяйстве, которым корму мало требуется, уход около них незатруднительный, а пользы много", - рассуждает в письме Калинину мелкий торговец Ш. Данькин в 1926 г.²⁵

Несмотря на то, что идеалом большинства крестьян была свобода хозяйствовать на своей земле, а не свобода владения частной собственностью и рыночно-предпринимательской деятельности, для части крестьян, особенно зажиточных, характерна психология рыночного хозяйствования, расширения своего дела и преумножения имущества. Интересен своеобразный социологический анализ, предложенный в письме к Калинину крестьянином Уральской области А. Чумовым: "Стремится ли рабочий почище одеться, получше поку-

шать, иметь чистую, просторную и светлую квартиру? И чтобы достичь всего этого крестьянину, т.е. почище одеться, получше покушать, иметь просторный дом, он старается, бедняга, ночи не спит, копается, как жук. Наймешь подсобника, батрака, чтобы расширить свое хозяйство, старается побольше посеять, больше скота развести, заработать на стороне, чтобы и запастись на черный день. А тут политика, стой, говорит. Ты расширяешь хозяйство, наймешь батраков, - эксплуататор ты, кулак, давай мы тебя немного пострижем политикой-то, чтобы ты немного осел. Но разве он насильственным путем эксплуатирует, разве он не договорился с батраком?"²⁶. Показательно признание автором письма "стремления к богатству" как "естественного права" человека. Очевидно, отмеченные исследователями "экономика и этика выживания", как базис крестьянской ментальности в России²⁷, не являлись универсальным признаком ее. Свобода для автора процитированного письма - это право развивать хозяйство, проявлять предприимчивость, богатеть, не зависеть от эгалитаристской политики государства.

Рыночная психология не была чем-то исключительным в годы нэпа. В ряде случаев источником подобных идей было стремление "почище одеться, получше покушать и иметь просторный дом". В других - стимулом "рыночной психологии" являлось несогласие с государственным покровительством социальным низам, лентяям, а также членам партии. В 1925 г. середняк В. Халин, комментируя лозунги Советской власти и реальное их выполнение, писал Калинин: "У нас раньше существовали следующие классы: дворяне, попы, мешане, кулаки, рабочие и крестьяне. Привилегия была богатому классу. В настоящее время тоже существуют классы: коммунисты, бедняки, рабочие, середняки и кулаки; привилегия коммунистам и беднякам"²⁸. В этом отрывке отразилось недовольство населения новыми формами социальной несправедливости, привилегированности. Иллюзорность нэповской "свободы" стали понимать многие прежние сторонники социального переворота.

Постепенно в массовом сознании свобода начинает ассоциироваться со степенью обладания властью. Если в годы гражданской войны такое положение воспринималось как вполне оправданное условиями военного времени, то после окончания войны проблема обостряется сначала в связи с внутрипартийными дискуссиями ("верхи" и "низы", аппарат и партия и пр.), а затем перерастает в противоречие между властью, отождествляемой с коммунистами и массой населения. Комсомолец СП. Трофимов просит И.В. Сталина разъяснить, почему в партии почти десять лет после революции сохраняется бюрократизм и протекция и почему партийного везде и всюду предпочитают беспартийным?²⁹ Засилье партийных функционеров приводит даже коммунистов к выводу, "что диктатура пролетариата у нас существует в большей своей части ТЕОРЕТИЧЕСКИ, ибо пролетариат этой диктатуры НЕ ОЩУЩАЕТ в той мере, как это кажется руководителям партии"²⁹. Что уж говорить о крестьянине Н. Жарикове, который в письме Сталину сомневается в наличии свобод для классов, составляющих основу "диктатуры пролетариата": "...эти классы, если и получили гражданство, то ограниченное, и свободой, в полном смысле этого слова, они до настоящего времени еще не пользовались"³⁰. Не удивительно, что на десятом году Советской власти красноармеец Г. Подольский выражает сомнение в возможности свободы при социализме вообще: "Будет-ли при социализме разделение труда и если да, то как понять - свобода человека (пролетария)? Значит она будет обусловлена коллективом? (отсюда опять наличие руководимых и руководящих)"³⁰. Черноработчий Р.В. Думенко в письме Е.М. Ярославскому и В.М. Молотову (ноябрь 1927 г.) выступает против коммунизма, в который загоняют силой: "Да и на самом деле, вам нравится жизнь коллективная, а большинству - индивидуальная. Зачем же мучать людей? Позор, срам, обида, а вы хотите навязать коммунизм людям слепой и ложный, а на деле - советское панство". Строительство социализма и коммунизма - "есть дело всего государства, т[о] е[сть] всего народа и дело многих лет, и при свободной торговле, и при свободном труде, и свободной промышленности, и при участии всего народа в политических и экономических вопросах".

Следует признать справедливость заявлений в атмосфере нагнетания подозрительности в последние годы нэпа, которая стала почвой возрождения идеи "свободы для избранных" и свертывания общегражданских свобод. Это проявилось в многочисленных предложениях усилить надзор ОГПУ "в крупных промышленных центрах нашего Союза. По Москве и Ленинграду нужно очень часто проверять публику, где живет, что делает и т[ак] д[алее]". В письме Сталину М. Минков (июль 1927 г.) предлагает "создать гипноз страха", "без шума, умненько приступить к проверке всего того, что за это время нашей беспечности проникло во все поры политического и хозяйственного аппарата"³². Коммунист С.Т. Чурилов в письме, в ЦК ВКП(б) (июль 1927 г.) идет еще дальше: "...запросить на каждого служащего и ответ-

работника с места его рождения документы о них от местной власти, с мест на этих товарищей], для выявления этим самым контр-агентов и всякого контр-шпионажа против Советской] власти, и ВКП(б), и СССР..."³². Для провозглашения идеи "возрастания классово-вой борьбы по мере завершения строительства социализма" менталитет масс был подготовлен. Письмо бывшего военрука Н. Тихонова Калининскому свидетельствует об этом: "исходя из государственных соображений и для обеспечения спокойствия Рабоче-Крестьянской России" бывших дворян, офицеров и чинов полиции сгруппировать и отправить в Соловецкий монастырь... Лица, уличенные в агитации против СССР судом, грузы в хлопущку Трубецкого бастиона, незачем тратить патроны"³³.

Дефицит социального оптимизма в двадцатые годы был связан также, с недовольством нэпом, разлитом в обществе. Антинэповские настроения, кризис послереволюционной массовой психологии, проявлялись в "синдроме обманутых надежд". "Сейчас те же капиталисты-буржуи живут, опять наживаются и все при власти рабочих. Как смотрит рабочий, измученный, истрепанный, больной, никак не могущий оправиться за 10 лет революции? Да он готов броситься разорвать его на кусочки, уничтожить на кусочки его, злоба кипит, рабочий недоволен...", - пишет в 1927 г. Сталину киевский рабочий Темкин³⁴. Антинэповские настроения сильны и среди низов деревни: "...все, что нажито чужим потом и кровью, должно быть отобрано в государство или наложить такой патент, чтобы он не мог богатеть или сделать контроль над кулаками"³⁵, - это из письма пастуха Варламова (1926 г.), характерно для части крестьянства, зараженной общинно-уравнительными настроениями и требовавшей вновь "все переделит". В том же 1926 г. бывший красноармеец Н. Шапкин писал в ЦК ВКП(б): "...товарищи, подумайте, как же так, если я кулака, например, в 1918 г. ставил к стенке, а теперь приду и скажу: "Иван Иванович, возьми меня подработать", - вытерпит ли мое революционное сердце, чтобы склонить перед ним голову?"³⁶.

Очевидно, глубокий кризис восприятия нэпа и итогов революции отчасти коренится в иррациональных, бессознательных структурах психики человека тех лет. Между тем, воздействие иррациональных психологических механизмов на политический процесс велико³⁷. Большой и часто неартикулированный потенциал недовольства учитывался и использовался Сталиным, его соратниками при ликвидации нэпа на рубеже двадцатых и тридцатых годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Философия истории: Антология*. М., 1995. С. 289.

² *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 39-40.

³ *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993. С. 265.

⁴ *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993. С. 51. '

⁵ См.: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 34-37.

⁶ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 60. Д. 96. Л. 15-16об.; Оп. 140. Д. 9. Л. 45.

⁷ Цит. по кн.: *Негретов П.И.* В.Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917-1921. М., 1990. С. 95.

⁸ *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1991. С. 48; С. 87.

⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 55с. Д. 856. Л. 10; Ф. 1235. Оп. 53. Д. 67. Л. 200-201об.; Ф. 130. Оп. 2. Д. 733. Л. 181.

¹⁰ См.: "Быть русским, любить Россию - это духовное состояние" // Советская Россия. 1993. 4 февраля.

¹¹ См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета. 1918. 9 января.

¹² ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 56. Д. 16. Л. 107-108; ОП. 53. Д. 67. Л. 150.

¹³ Цит. по кн.: *Негретов П.И.* Указ. соч. С. 46.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 80. Д. 57. Л. 16-17об.

¹⁵ Там же. Ф. 9550. Оп. 15. Д. 11. Л. 1-2.

¹⁶ Там же. Ф. 130. ОП. 4. Д. 247. Л. 36; Д. 239. Л. 3-4.

¹⁷ Там же. Ф. 1235. Оп. 140. Д. 9. Л. 45; Оп. 61. Д. 223. Л. 17-21.

¹⁸ Там же. Оп. 98. Д. 2. Л. 111-114об.; Оп. 79. Д. 36. Л. 488а-488б.

¹⁹ *Булдаков В.П.* Указ. соч. С. 22-23.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 98. Д. 3. Л. 158.

²¹ Там же. Ф. 1005. Оп. 2. Д. 89. Л. 143-144.

²² Там же. Ф. 4085. Оп. 22. Д. 28. Л. 5.

²³ Там же. Ф. 4390. Оп. 14. Д. 9. Л. 5-12.

²⁴ Там же. Д. 60. Л. 6.

- ²⁵РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 7: Д. 172. Л. 69-69об.
- ²⁶ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 62. Д. 1. Л. 61-62.
- ²⁷ См.: Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община/Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 30.
- ²⁸ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 62. Д. 1. Л. 206-207об.
- ²⁹РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 494. Л. 47; Д. 485. Л. 88-91.
- ³⁰Там же. Д. 495. Л. 280-281; Д. 514. Л. 25.
- ³¹Там же. Д. 475. Л. 1-2об.; Д. 514. Л. 16.
- ³²Там же. Л. 12; Л. 218.
- ³³ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 61. Д. 195. Л. 78-78об - 78а.
- ³⁴РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 514. Л. 198.
- ³⁵ГАРФ. Ф. 6836. Оп. 1. Д. 22. Л. 42-43.
- ³⁶РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 484. Л. 66-66об.
- ³⁷ См.: Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996. С. 16-18.